

Вячеслав Пьецух

Серьезные писатели таскаются по конференциям, книжным ярмаркам и литературным фестивалям не за тем только, чтобы сладко есть и сладко пить, а преимущественно затем, чтобы обогатиться свежими впечатлениями, которые потом могут претвориться в какой-никакой сюжет.

Ниже следует образчик того, как это бывает на деле. Вроде бы и к одесскому паломничеству сей текст отношения не имеет, и Бабель тут ни при чем, ну разве что автор по его милости прокатился из Москвы на Черноморское побережье и в результате этого богомолья сочинил путевой рассказ. За что он приносит создателю великой «Конармии» искреннюю благодарность.

Полоса отчуждения

Дорога. Как только наши русские авторы ни расписывали ее животворные прелести, ни твердили о благотворном влиянии на психику человека, ни наводили на мысль о дороге как о побочном образовании, а все кажется мало, хочется добавить что-нибудь освежающее, свое.

Да вот хотя бы взять историю четы Говорковых, Миши и Маши, на которых сравнительно дальняя дорога подействовала так же, как на страдающих мигренями действует анальгин.

Оба они были родом с Украины, из Конотопа, кровей смешанных, ходили в одну школу, только Миша был двумя классами старше, оба учились в Нежине на филфаке, потом поженились и ворковали в Конотопе же, на улице Красногвардейской, дом 44, строение № 2. Однако идиллия продолжалась недолго, частью из-за

того, что оба лишились работы по причине перманентного экономического кризиса, а недостаток в семье всегда провоцирует состояние междоусобицы, частью же из-за того, что у них не было детей, которые представляют собой особо связующий элемент. Пошли раздоры, препирательства по самым вроде бы отвлеченным поводам, например, в связи с национальной принадлежностью писателя Гоголя, причем оба постоянно сбивались со своей первоначальной позиции на позицию оппонирующей стороны.

Положим, во вторник Миша мог заявить:

– Вот если бы у Гоголя была фамилия Пушкин, я бы и слова встречного не сказал. А то у него была фамилия Гоголь-Яновский, типичная украинская фамилия с польским уклоном, и лицом он несколько не был похож на средневзятую москаля.

Маша ему в ответ:

– Лицом он был похож больше на иностранца, славянского в нем не было ни грамма, и вообще он ел макароны и пил разбавленное вино.

– Тогда чего он не писал по-итальянски?!

– А он и по-украински не писал! Я даже думаю, что он совсем не знал *мовы*, а сочинял по-русски из-за того, что этот язык – самый художественный язык в мире, на котором и не захочешь, а того и гляди что-нибудь сочинишь.

Но, положим, в среду Миша мог запросто объявить:

– Нет, Гоголь был точно русский человек, от макушки до ногтей, потому что он сам себя уморил. Если бы он принадлежал к какой-то другой национальности, то преспокойно жил бы себе в Москве до морковкина заговенья или в Риме, ел бы свои любимые макароны и пил разбавленное вино. А он довел себя самокопанием до истерии, перестал принимать пищу и в конечном итоге умер неведомо от чего. Конечно, русский, двух мнений быть не может, потому что только они склонны к самоуничтожению, если не считать якутов и лопарей.

Маша ему в ответ:

– Это еще бабушка надвое сказала. То есть, с одной стороны, Гоголь был прямой русский, потому что он любил Италию, а Россию скорее презирал, но, с другой стороны, чистой воды хохол. Как же не хохол, если все его произведения светятся настоящим

украинским юмором, в то время как русская литература мрачная, рассудительная и постоянно упирается в разные тупики. Всего Толстого прочтешь – и ни разу не улыбнешься, а над Гоголем животики надорвешь!

– А Чехов?

– Да и Чехов был хохол! Он так и писал про себя – хохол!

Обыкновенно эти прения выливались в банальные домашние ссоры, даже с горячими слезами и битьем посуды, поскольку мало-помалу выяснялось, что ежели жена постоянно перечит мужу, а муж настолько нетверд в своих суждениях, то тут и до супружеской измены недалеко.

Дело закончилось тем, что молодые надумали развестись. К этому времени они уже перебрались в Москву, спасаясь от безработицы, Миша трудился на стройке в Мытищах, а Маша подвизалась на Лужниковском вещевом рынке. Как-то под вечер Говорковы зашли в первый попавшийся загс, чтобы подать заявление о разводе, но там им объявили, что поскольку они граждане Украины и заключали брак в Конотопе, то пускай и разводиться отправляются в Конотоп. То ли действительно существовало такое положение в бракоразводной практике, то ли над супругами от скуки решили поиздеваться – это у нас бывает, – но так или иначе молодым пришлось возвращаться на родину, чтобы расторгнуть несчастный брак.

Они, как полагается, купили билеты, сварили в дорогу курицу и с полдюжины яиц вкрутую, сели на поезд Москва – Одесса, который отходит от Киевского вокзала, и пустились в путь с таким чувством, словно они отправляются в никуда. Соседями по купе у них были: моряк торгового флота из Одессы, страдающий странным тиком, – он то и дело закатывал глаза, и немолодая женщина, ехавшая до Брянска, которая всю дорогу вязала что-то, противно щелкая спицами, и шевелила губами, видимо, считая петли, но вообще производила впечатление не совсем нормального существа. Поезд как-то нечувствительно тронулся, как проснулся, и медленно поплыл вдоль перрона, едва-едва набирая ход.

Вот уже остались позади пакгаузы, еще какие-то закоптелые железнодорожные службы, древние, черные, как уголь, паровозы на запасных путях, заводские корпуса промзоны, заборы, сплошь

покрытые граффити, проплыла над головой Московская кольцевая дорога, а за нею потянулись пригородные платформы, дачки, окутанные, как облаком, яблоневым цветом, водонапорные башни, шлагбаумы и при них будки с маленькими темными окошками, за которыми, поди, вековали стрелочницы в годах, после с обеих сторон пошли сплошные лесопосадки, образующие полосу отчуждения, и Говорковым показалось, как будто от души что-то оторвалось. Как будто вдруг началась совсем другая жизнь, отгородившаяся от основной полосой отчуждения, словно на каком-нибудь острове в океане, где обитает отдельная нация пассажиров, действуют иные правила и законы, вкушаются необыкновенные яства и ведутся разговоры, не похожие ни на что.

Только пошли лесопосадки, как моряк выставил бутылку «Камю» и предложил спутникам выпить «по маленькой», Маша, в свою очередь, достала вареную курицу с яйцами, и соседи принялись угощаться, сладко хмелея от французского коньяка. Замечательно, что вроде бы обыкновенная курица оказалась на удивление хороша.

– Вот домой еду, – между тем говорил моряк, – из самого Марселя, где у нас постоянно меняется плавсостав. И какие сюрпризы меня ожидают дома?.. – даже загадывать не хочу.

– А что такое? – поинтересовался Миша.

Моряк сказал, закатив глаза:

– Если начистоту, то вот какое дело – жена у меня гулена, и как ни придешь из рейса, всегда у нее для меня сюрприз. То спутается с главным инженером порта, пока я хожу в морях, то у нее синяк под глазом, то на какой-нибудь вечеринке у нее украдут фирменные очки.

– Странно... – сказал Миша, немного ошарашенный слишком уж откровенным сообщением моряка. – Зачем же вы терпите такую жену? Взяли бы и по-хорошему разошлись.

– За то и терплю, что она мне жена, а не «девушка Прасковья из Подмосковья», – как говорится, родная кровь. И чего расходиться-то, если лучше все равно не будет, потому что счастливых браков не бывает, и каждая семья – это маленькая война.

На самом деле такой оголтелой откровенности, какую продемонстрировал моряк, не следовало удивляться, поскольку дорога

вообще располагает к излияниям на самые сокровенные темы, и даже подследственных надо вывозить на допросы, к примеру, поездом Москва – Владивосток, – все выложат, как на исповеди, ни грана правды не утаят.

Тем временем за окном купе промелькнул одинокий домик техника-смотрителя из силикатного кирпича, при нем огород, обнесенный низким штакетником, колодец под шиферной крышей, собачья будка и нужник на задах, выкрашенный в едко-зеленый цвет. Подумалось: вот тоже живут люди, небось в десяти километрах от ближайшей станции и в десяти километрах от ближайшего сельского поселения, а живут... И может быть, даже лучше, истиннее живут, чем окнами на Арбат. Кругом тишина, только что скорый поезд прогрохочет пять раз на дню, по которому можно проверять время, покой, как в больничной палате на одного, необременительная работа, хлеб собственной выпечки, своя бражка на случай праздника, а по вечерам весело строчит жена швейная машинка, малыш посапывает под пологом от комаров, радио погоду передает...

А колеса все постукивают, навевая дрему, вагон приятно покачивает в утешение моряку, и чайные ложки чуть дребезжат в стаканках с подстаканниками, которые изобрели в России, немного припахивает чем-то горелым и, кажется, еще постельным бельем казенного образца.

Вдруг за окном – это уже после Малоярославца, – откроется неоглядная даль, поля, только-только покрывшиеся зелеными, луга, перелески, словом, наш родимый простор, который тянется до самого Тихого океана и наводит на мысль: ну, послал Бог страну! Это какая-то планета, а не страна! Потом опять глаза застит лесополоса, уже нахмурившаяся с наступлением сумерек, и небо охватит предвестник ночи – темная-претемная синева. В эту пору хорошо бывает забраться на верхнюю полку и приняться за книжку или в полудреме поразмышлять. Положим, придет на ум: «Великая вещь – дорога! В проклятой суете городской жизни, за бесконечными заботами о хлебе насущном, о том, как бы исхитриться оплатить квартиру и электричество, некогда по душам бывает поговорить, да и не с кем, и годами ни одна отвлеченная мысль не придет в голову, а в дороге ты свободен, как

туарег, и ни в чем не замешан, как старая дева, и можно, наконец, призадуматься над смыслом личного бытия.

– Что это вы вяжете? – спросила Маша у дамы со спицами, которая не оставила свое занятие даже после порядочной порции коньяка.

– Свитер из собачьей шерсти, – отвечала дама, – на случай исключительных холодов. Муж у меня сидит в лагере под Брянском, уже третий год пошел, как я мотаюсь туда-сюда. Вот я ему, стервецу, свитер-то и вяжу.

– За что же его посадили? – спросил моряк.

– За озорство. Он, как бывало, зальет глаза, так давай меня лупцевать по чем попало, а то возьмет туристический топорик и начинает крушить мебель – по его изречению, «на дрова».

– Следовательно, вы его и посадили?

– Я и посадила, тут никакого секрета нет. А ты не безобразничай, веди себя, как полагается нормальному мужику!

– Ничего себе семейка! – заключил Миша и сделал выразительные глаза.

За окном купе уже совсем стемнело, ночь навалилась на отечество, и в вагоне сам собой загорелся свет. Проносились мимо редкие огоньки, иной раз встречный поезд обдавал попутчиков грохотом и словно взрывной волной, а то попадет на пути какой-нибудь городок, который светится в ночи темно-оранжевыми окнами и приглушенным сиянием уличных фонарей. Подумается: «Господи, Твоя воля – это сколько же обитает на свете добрых, симпатичных людей по городам и весям нашего обширного государства, которые радуются и печалются за своими темно-оранжевыми окнами, и которых ты никогда не узнаешь, точно их вовсе не было на земле. Может быть, где-то тут собирается на боковую писаная красавица, каких поискать, или предается ночному бдению изобретатель вечного двигателя и начинающий поэт, будущий классик, кропает свои стихи. А ты пронесишь себе мимо, и писаная красавица, то же самое, никогда не улыбнется тебе в ответ...». Вроде бы все это так, измышления, но почему-то тягостно и грустно становится на душе.

Наутро, во время вынужденной стоянки на какой-то небольшой станции, Миша Говорков вышел на платформу и купил у те-

ток четыре бутылки пива, горячей вареной картошки с укропом и ведро раков, настолько свежих, что, видимо, они *перешептались* не далее как вчера. Моряк и дама со спицами еще спали, и пир у четы Говорковых выдался на двоих. Раки были чудо как хороши, а от пива на обоих напало благодушное настроение, и они опять заговорили о Гоголе, но по-иному, отнюдь не перечая друг другу, а напротив, соглашаясь почти во всем. Когда уже подъезжали к Конотопу, в то время как Маша самозабвенно развивала мысль о влиянии нездорового пищеварения на авторскую позицию, Миша вдруг призадумался и сказал:

– Поехали, что ли, обратно, Маш?

– Ну, поехали, – сказала Маша. – Так вот, у Гоголя желудок располагался вверх тормашками, это научный факт...

